

новый переворотъ и Миниха, ни въ чемъ не повиннаго, уже совершенно отстранившагося отъ государственныхъ дѣлъ, арестуютъ, ведутъ на эшафотъ и отправляютъ въ тяжелое заточеніе. Какое опять наступаетъ трагическое положеніе! Его натура въ силахъ нести непомѣрные для другихъ труды, перетерпѣвать лишенія и оскорбленія, какъ никто иной не въ силахъ, но бездѣтельности вынести не можетъ; онъ пишетъ и посылаетъ изъ своей грустной темницы проектъ за проектомъ, въ видахъ того, то другого предпріятія въ пользу Россіи, указываетъ на все, какъ на продолженіе или на окончаніе того, что замыслилъ Петръ Великій, проситъ себѣ свободы настолько, чтобы могъ потрудиться для Россіи—все напрасно: власть глуха къ его мольбамъ, его проекты не читаетъ властительница, во все свое царствованіе избѣгавшая всякаго серьезнаго чтенія, ему, наконецъ, запрещаютъ писать, отнимаютъ у него бумагу, перья, чернила, грубый караульный подсматриваетъ за нимъ какъ за опаснымъ государственнымъ злоумышленникомъ... и въ такомъ ужасномъ положеніи томится страдалецъ двадцать лѣтъ! И что же? «Не было дня, чтобы я не находился въ свѣтломъ расположеніи духа»,—сознавался онъ по выходѣ изъ заточенія! Какая сверхъ-человѣческая сила духа! Съ веселымъ лицомъ шелъ этотъ человѣкъ на эшафотъ, не зная еще, что милость императрицы замѣнитъ для него колесо ссылкой; не унывалъ онъ и въ ужасныхъ стѣнахъ пелымскаго острога: вездѣ и всегда—равенъ себѣ самому! Наконецъ, дожилъ онъ до освобожденія! Но трагизмъ не покидаетъ этой личности и послѣ. Какъ не назвать трагическимъ въ ряду противоположныхъ явленій, доходящихъ отчасти до комизма, положеніемъ, когда старый фельдмаршалъ выбывается изъ силъ, чтобы спасти государя, которому обязанъ возвращеніемъ къ жизни, и не можетъ, по причинѣ ничтожности души этого государя и его сателлитовъ! Старикъ остается бессмысленно смотрѣть на звѣзды, когда послѣдній спасительный совѣтъ его былъ отвергнутъ! Онъ отдается Екатеринѣ. Трогательно великодушіе новой государыни! Теперь, уже въ восемьдесятъ лѣтъ отъ роду, для него, казалось, наступала эпоха, когда онъ могъ сойтись съ властью—но и теперь не кончился трагизмъ для судьбы этого человѣка. Казалось бы, съ кѣмъ легче могъ сойтись Минихъ, какъ не съ Екатериною! И что же? Мы видимъ, что она предоставила ему строить гавани и каналы, окружила его внѣшнимъ почетомъ, цѣнила его личность, слушала со вниманіемъ, но тутъ же и скучала отъ его старческихъ предположеній и даже не содѣйствовала успѣшному окончанію